

Другу групу складають імена, якими зараз новонароджених називають рідко чи зовсім не називають, а зустрічаються вони в основному у формах по батькові. Однак у часи, коли масив українських прізвищ формувався, ці імена були доволі поширені, про що свідчить кількість утворених від них прізвищ. На першому місці у цій групі ім'я Клим (37 прізвищ), на другому – Марко і Степан (29), далі йдуть Юхим (28), Панас і Сава (27). Наступні імена подаються у порядку зменшення кількості утворених від них прізвищ: Кузьма, Карп, Семен, Тимофій, Сидір, Кирило, Пилип, Федір, Прокоп, Демид, Тихін, Герасим, Нестор, Захар, Яків, Юрій, Остап, Мартин, Ісай, Гордій, Кость, Терех, Мирон, Корній.

Під час підрахунків бралися до уваги прізвища, утворені від усіх варіантів повного імені Степан (сина Степана могли звати і Степаненком, і Стецюком у залежності від регіону, де той жив). Хоча вибірка прізвищ є не дуже великою, вона все ж дозволяє дійти певних висновків стосовно частотності використання власних чоловічих імен у період з кінця XVII до середини XIX століття, тобто коли формувався основний масив прізвищ [2, с. 3-4]

Очевидно, що такі поширені серед наших сучасників імена, як Олексій, Олександр, Володимир, Сергій, Антон, Дмитро, Денис тощо, стали широко вживаними вже після названого періоду, натомість перестали користуватися популярністю імена, які були дуже частими у минулому. Авторіві статті зустрічалися молоді люди на ім'я Кирило, Степан, Пилип, Захар, але за 4-5 десятиліть не зустрілося жодного Панаса, Сави, Клима, Карпа чи Сидора. Одним з аспектів, що визначають актуальність розглянутого питання, є необхідність “відновлення” у свідомості носіїв мови зв'язку “незрозумілих” зараз прізвищ з напівзабутими іменами та їх варіантами, від яких ці прізвища утворені. Це такі імена, як Лукаш, Логвин, Мусій, Лаврін, Омелян тощо.

Висновки та перспективи подальших досліджень. Аналіз прізвищ, утворених від хрестильних імен та їх варіантів за допомогою формантів *-енко, -ченко, -ук, -чук, -хно*, дає можливість виявити, які чоловічі імена були поширені серед українців у період XVII-XIX століть. У статті не розглядалися причини відходу деяких імен на периферію ономастичного простору – це питання потребує подальшого дослідження. Цікавим видається порівняння українських і російських форм одного й того ж імені (Хома – Фома) і процесів творення від цих форм прізвищ за українськими і російськими моделями. Дослідження семантики і особливостей творення українських прізвищ дає певний лінгвокраїнознавчий матеріал, який можна використати під час викладання дисциплін “Українська мова”, “Українознавство”, “Лінгвокраїнознавство”.

Джерела та література

1. Введенская М.А., Колесников Н.П. Этимология: учебное пособие. – СПб: Питер, 2004. – 221 с.
2. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. – М.: ООО “Издательство Астрель”, 2001. – 672 с.
3. Илиади А.И. Основы славянской этимологии. – К.: Довіра, 2005. – 270 с.
4. Телефонный справочник г. Евпатория. –Евпатория, 1995. – 511 с.
5. Україна в словах: мовоукраїнознавчий словник-довідник. –К.: ВЦ “Просвіта”, 2004. – 704 с.
6. Успенский Л.В. Ты и твое имя. Имя дома твоего. –Ленинград: Детская литература, 1978. – 573 с.

Резник О.В.

ЖЕНСКАЯ МЕМУАРИСТИКА ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ И З.А.ШАХОВСКАЯ

Мемуарный труд помогает личности и нации избежать превращения в массу, потерявшую связь со своим подлинным «я»; идентифицируясь с реальными событиями и датами, индивид становится человеком, знающим, что значит быть самим собой, мечтающим возвратиться к истокам своей души, к своему исконному, подлинному предназначению и самобытности. По мнению философа В.М.Андреева, прошлое, будущее и настоящее как противоположности образуют диалектическое единство: прошлое – тезис, будущее – антитезис, настоящее – синтез прошлого и будущего. Изучение литературных свидетельств «от первого лица», таким образом, обладает определенной актуальностью: «для устойчивого существования в настоящем любой живой организм не может не опираться на опыт прошлого: в нем всегда есть то, что необходимо в настоящем и может понадобиться в будущем» [1, с.98]

Именно эта детерминированность литературных воспоминаний позволяет исследовать их системно, а не эпизодически, выбрать методологической основой исследования научные принципы историзма, комплексности и достоверности. Интерес литературоведов, социальных историков и антропологов к текстам, написанным в жанре автобиографии, привел к возникновению большого числа сочинений и монографий, посвященных этому вопросу. Изучаются традиционные, исторически сложившиеся приемы построения текста(Бахтин, 1997, Гинзбург, 1999, Лотман, 1999), лексико-семантическая и временная организация автобиографических произведений(Голубева, 1989, Чейф, 1983, Лапина, 1988), способы обозначения повествователя в авто семантической прозе(Азарова, Лесспис, 1980, Сорокин, 1995, Elit, 2002), автобиографические тексты исследуются в гендерном аспекте(Пушкарева, 2000, Рюткенен, 2000, Wedel, 1988).

Женская мемуаристика характеризуется совершенно специфическими особенностями памяти, что позволяет выделить женскую автобиографическую прозу в третью, отдельную группу. Тэффи, И.Одоевцева, З.Шаховская, при всей разности талантов, одинаково стремятся к документальному реализму и стенографическому воспроизведению фактов. В отличие от мужских мемуаров, они всегда пространней описывают свои чувства и настроения, используют большое количество вопросительных и риторических конструкций

в своей наррации. Исследовательница М. Ломова утверждает, что «тот факт, что женщина отважилась написать свою автобиографию, свидетельствует о ее восприятии себя как индивидуальности, как личности, не похожей на других, со своей личной историей...» В нашем же исследовании указывается, что, наоборот, женщина-мемуаристка никогда не бывает открыта до конца, выбирая то своеобразную стилистику, то особый жанр (литературный портрет), то используя форму множественного числа первого лица. Поэтому факт «отваги», т.е. смелости, скорее, прослеживается в тех событиях и лицах, которым уделяет внимание писательница, а не в желании показать именно себя, воссоздать свой неповторимый жизненный путь. Цель данной статьи – проследить особенности женской мемуаристики, которая должна быть выделена в особый тип на примере первой части мемуарной тетралогии З.А.Шаховской «Таков мой век».

Несмотря на то, что по типу художественного мышления все «женские» мемуары можно смело отнести к реалистическому, каждая писательница пытается поведать историю собственной жизни, вплетенную в мировую Историю. Зинаида Алексеевна Шаховская, известная писательница и журналистка русского зарубежья, написала четыре отдельные автобиографические книги под общим подзаголовком «Таков мой век» (1964-1967 гг.) на французском языке. Оговоримся, что собственно воспоминаниям о родине посвящены только страницы первой части «Свет и тени», оканчивающейся как и «Воспоминания» Н.А.Тэффи, отплытием в Константинополь. Название этого произведения корреспондирует к сборнику (также написанному вдали от родины) И.А.Бунина «Темные аллеи», в котором данные концепты реализуются в трагическом модусе. В отличие от других мемуаристок, Тэффи и Одоевцевой, Шаховская выбирает линейно-хронологический принцип подачи материала, начиная свое повествование с документа о собственном рождении. Но уже в предисловии она обозначает основной подход к изображению событий: «...я лишь добавлю размышления соломинки, прилипшей к ее [Истории] копытам» [2, с.8] Иррациональное, поэтическое начало согласуется с ностальгией, используется как контрастный инструмент изображения чистой, детской души. Поэтому к каждому эпизоду «прибавляются» оценки, суждения зрелой женщины, много пережившей и поведавшей. Она выбирает тон правдивого, но пристрастного нарратора, отвергая стремление к пикантности и преувеличению, свойственные другим авторам воспоминаний: «Когда пишешь воспоминания, нет ничего дороже правды» [2, с.172]. Отмечая, что помнит себя с раннего возраста, Шаховская подчеркивает, что это свойственно многим писателям. Однако она не ищет в глубинах подсознания ни фрейдистских комплексов, ни зловещих предзнаменований будущего – ничего особенного, все типично. Со свойственной ей иронией, нарратор объясняет свои переживания животной радостью и инстинктами. Детство героини не отмечено ни особыми радостями, ни яркими цветами: болезненный, понурый ребенок, без всякого удовольствия глядящий на мир большими круглыми глазами; тесный панцирь одежды, породивший вечное желание свободы; детская некоммуникабельность и одиночество. Никакого «розового» цвета, в который окрашивается детство для взрослых, у нее нет. Это лишь первое испытание героини на прочность.

В отличие от Бунина и Набокова, Шаховская не видит необходимости в подробном перечислении всех родственников, т.к. «...ветер истории порвал цепь поколений, веками соединяемых звено к звену все на той же земле» [2, с.10] Детская болезнь и разница в возрасте так и не сделали близкими четыре ветки – братьев и сестер рассказчицы. Семья для нее прежде всего тяжелая и спасительная ответственность перед миром и памятью. В своем приятии мира она оказывается ближе к Осоргину, т.к. обретение своего места в мире, ощущение безграничного счастья связано с российской природой, нянькой Татьяной, поселившей в сознании ребенка христианские ценности. Бескрайний и унылый пейзаж помогает лишь острее чувствовать свое одиночество перед лицом судьбы, а смена времен года вызывает в памяти нарратора картины столь яркие, что воспоминания обретают вкус и запах. Иррациональное начало напрямую связывается с бытовым, а автор прибегает к прямой актуализации смысла. Трагический эффект отчужденности находит свое отражение в общей тональности повествования, определенной мемороцентричности мира.

По мнению автора мемуаров, память дана человеку для того, чтобы возродить из пепла прошлого уже исчезнувшие приметы быта, воскресить умерших. Шаховская воспроизводит на страницах воспоминаний не непосредственные впечатления увиденного или перечувствованного, а опосредованные, прошедшие коррекцию временем. Причем такая точка зрения связана и с аудиторией – мемуары явно рассчитаны на европейского читателя. Зрелые оценки и устоявшееся мнение отличают каждую страницу, независимо от предмета повествования. Так, наблюдая изобилие на столе, она отмечает, что ребенку еще не ведомо, что вскоре это все исчезнет и люди будут умирать от голода. Поэтому она опирается на литературную традицию, уцелевшие документы и фотографии и воспринимает свою попытку воссоздания детства как игру.

Правда, игру не очень веселую – ослепительно прекрасная мать и большелобый, немолодой отец типологически напоминают героев «Котика Летаева» Андрея Белого. Всего несколько страниц, насыщенных «толстовскими» аллюзиями, вмещают историю не приметного человека, чье основное достоинство – неспособность действовать по расчету или обманом – передалось и рассказчице, отказавшейся, по ее словам, «приспособиться к нравам нашего века и тем облегчить свое существование» [2, с.18] В рассказе всего дважды встречаются знаковые даты – смерть отца от голода и холода лютой зимой 1919 года и приезд в 1955 году в Москву героини. За это время усилиями комсомольцев-антицерковников (примета новой жизни) исчез крест с могилы (символ старой веры). Образ Алексея Шаховского лишен идеализации, а скорее типичен, не случайно дочь отмечает упоминание в данном контексте об обломовщине. Мать – воплощение женственности и радости бытия – была заточена в замкнутом мирке русской деревни. Так, же как и Набоков, Шаховская отмечает, что мать баловала ее как бы «наперед», будто предвидя, что однажды все будет отобрано и у детей, и у страны.

Среди реалий деревенской жизни отмечены и крестьяне, приходящие с жалобой к «барину» или с бо-

лезню – к «барыне», отсутствие доктора или непролазная грязь дорог и тучи пыли, однако все эти картины окрашены в пасторальные оттенки в противоположность городским сценам. Комфорт деревенского быта заключался не в удобствах, а создавался атмосферой старого дома, отношениями между обитателями, надежной стабильностью жизненного уклада. Дикая свобода не исключала воспитанной в детях ответственности за свои поступки и самостоятельности. При этом мемуаристка в юмористическом ключе представляет вереницу слуг, няней и «мадмуазелей», испытывая смешанные чувства по поводу свободы этикета и моды на иностранное: «В великорусской симфонии Матова нет-нет, да и звучала западная нотка» [2, с.25] Возможно, француженки, заброшенные в чужую страну, напоминают рассказчице ее собственную, изгнанническую судьбу, а потому заслуживают «попутного приветствия».

Из деталей и мелочей Шаховская искусно плетет нить повествования, когда одно логично соединяется с другим. Нарратор называет все это «мое имущество», в которое входят не только чудом сохранившиеся вещи, но и осязаемые приметы помещичьего быта, оживающие в воспоминаниях. Прибегая к повествовательному приему, который она сама обозначила как «...я уклоняюсь от прямого пути, свернув на боковую дорогу» [2, с.30], мемуаристка опирается на воспоминания матери, упоминает о сумме годового дохода и его источниках – и тут же дополняет эти подробности новыми, вводит лирические отступления о яблоках («воспетые Буниным») и об экипажах. Осознавая, что многие реалии прошлого непонятны читателю мемуаров, она приводит аналогии, пускается в пространные объяснения, зачастую вызывающие комический эффект («...дрожки, транспорт для мужчин, - доска небольшой длины на четырех колесах, своего рода «джип» тех времен» [2, с.32] или «...наказания сыпались на «благородных девиц», как штрафы на современных автомобилистов» [2, с.82]). В то же время в изображение далеких времен вплетается и настоящее – «...доведись мне беседовать с самим Никитой Сергеевичем Хрущевым, я бы за словом в карман не полезла» [2, с.34]

Как бы оправдывая незначительность событий, освещаемых в мемуарах, Шаховская афористически замечает: «Когда в стране царит мир, в деревне все происходящее возводится в ранг события» [2, с.34]. Статус того или иного события зависит не только от разнообразных механизмов формирования иерархий в русской культуре в целом и литературе русского зарубежья в частности, но и от определяющих статусные различия факторов, действовавших в субъективном мире маленькой героини. Так, разговоры о казни Софьи Перовской относятся для нее ко временам неправдоподобно далеким, чуть ли не допотопным, а война 1940-го уже «потонула в пучине времени». Однако у мемуаристки, по ее признанию, нет желания изображать прежнюю Россию в идиллических красках. Просто память ребенка наиболее ярко запечатлевала счастливые мгновения.

На страницах мемуаров оживают многочисленные праздники, своей тональностью типологически напоминающие «Лето Господне» И.С.Шмелева. Пользуясь словами самой З.Шаховской, она пишет благородно, и это наиболее отчетливо прослеживается в эпизодах изображения жизни простого народа. Ни тени насмешки или снисходительности «к темному мужику», а лишь воскресшее в памяти детское любопытство, позволившее спустя годы воссоздать уже ушедшую культуру в красках и деталях. Из них складывается активное бытийствование прошлого и индивидуальная авторская манера повествования. Она не просто дает представление о жизни и быте крестьян двух соседних деревень – усадьбы Матова и вольнолюбивого и предприимчивого Гремячева, а демонстрирует целый пласт народных обычаев. Она приводит многочисленные примеры, как крестьянин добывал в поте лица хлеб насущный, как умирали от голода или жары дети, как провожали рекрутов. По-женски наблюдательная, она много внимания уделяет вещному миру: ее задача – не просто рассказать франкоязычному читателю о неизвестных ему тканях ручной работы или устаревших фасонах одежды («занавеска», шаровары, сарафан), а ввести в чужой культурный контекст «родные», связанные с дорогими воспоминаниями предметы. С каждой новой деталью память рассказчицы перемещается в иной отрезок времени, в иной момент эмоционального состояния героини.

Находясь в границах доминирующей семантической тенденции, каждая культурная традиция получает добавочные смысловые оттенки и функциональные аспекты. Автору удается сочетать детское, непосредственное восприятие и диахронно продолжать его с точки зрения своей настоящей позиции. Эмоциональная направленность, обуславливающая выбранный тип художественного сознания, позволяет ввести то или иное событие в круг культурных феноменов. Рассматривая различные проявления народной души как показатель уровня цивилизованности крестьянства, она указывает на желание простого народа «покуражиться» - продемонстрировать свою храбрость и презрение к боли, однако одобрения эта черта не вызывает – ни у самой рассказчицы, ни у ее родителей, ни у церкви. Причем последняя выписывается в святоотеческой традиции: батюшки – бессребреники и мученики.

Таким образом, описывая прошлое своей страны в несколько идеализированном духе, З.Шаховская отказывается придерживаться того же подхода при изображении собственной биографии. Не случайно отдельная глава посвящена пародийному сопоставлению «популярных родословных» - классики жанра соцреализма и капитализма. Чтобы снискать благосклонность читателей и издателей, необходимо сочинять (т.е. лгать) о своих ранних мучениях и бедности, простонародном происхождении с двух сторон. Шаховская откровенно насмехается над такой «сказкой на потребу дураков». Избранный же ею тон мемуаров позволяет сочетать объективное содержание с предельно субъективной оценкой, продемонстрировать, что больше, чем собственная биография, ее интересует история и культура - «Тот исчезнувший мир – мир, который мог бы быть моим...» [2, с.6]

Источники и литература

1. Андреев В.М. Проблема континуума «пространство-время»//Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 111. – С. 95-99.
2. Шаховская З.А. Таков мой век. – М.: Новый путь, 2007. – 267 с.

Меметова Э.Ш.**МЕТИННИНЪ ЛИНГВОУСЛЮБИЙ ХУСУСИЕТЛЕРИ****(Лингвостилистические характеристики текста)****(на материале крымскотатарского языка)**

Дослідження здійснено за підтримки ДФФД України

Данная статья посвящена освещению лингвостилистических характеристик текста. Среди важных отличительных признаков текста выделены концептуальность и модальность. Концептуальность возникает как результат осмысления автором действительности, выработки своего взгляда на мир. Без концептуальности невозможна модальность. Под модальностью обычно понимают отношение говорящего или пишущего к реальной действительности или научно-фантастическому, поэтическому вымыслу.

Были рассмотрены принципы, соблюдение которых необходимо при проведении лингвостилистического анализа.

Къырымтатар тильшынаслыгъында услюбиетнинъ базы меселелери огренильген олса да [9; 10], метиннинъ къайд этильген хусусиетлери бугунде-бугунь огренильмеген меселелерден биридир. Славян тильшынаслыгъында исе бу меселеге баягъы ишлер багъышлангъандыр [2; 5; 6; 11]. Бу меселенинъ бакъылмагъаны мевзунынъ актуаллигини акс эттире.

Макъалемизнинъ макъсады метиннинъ лингвоуслюбий хусусиетлерини огренип, лингвоуслюбий талильнинъ принциплерини косътермектир. Метин тиль системасында сэйлешювнинъ энъ юкъары ве эсас бирлемидир. О «бир де бир тарихий девирнинъ нетиджеси, медениетнинъ бир де бир шекилидир, инсаннынъ рухий яшайышынынъ акс этильмесидир, малюматны сакълав ве такъдим этювининъ усулдыр в.и.» [2, с. 8]. Башкъа айны шу коммуникатив (сэйлешюв) вазифесини беджерген тиль бирлемлеринден (джумле, муреккеп синтактик бирлик) фаркълы оларакъ, метиннинъ бойле хусусиетлерини айырмакъ мумкюн:

1. Метин – бу тильнинъ къанун-къаиделерине ве типик моделлерине бойсунып кельген махсулдыр.
2. Метин – язы я да неширде басылгъан нутукъ яратылмасыдыр [13, с. 440].
3. Нутукъ чешит тюрлю малюматнынъ акс олунмасыдыр: мундериджели-фактуаль, мундериджели-концептуаль, мундериджели-метинастлы. И.Р. Гальпериннинъ фикирине коре «мундериджели-фактуаль малюмат этрафымызда олгъан акъикый я да тасавур эткенимиздеки алемде олып кечечткъан, олып кечкен я да олып кечеджек акъкъындаки фактлар, адиселер, процесслер акъкъында хабер эте» [5, с. 27].
4. Метиннинъ хусусий аляметлери концептуаллик ве модалликтен ибареттир. Концептуаллик муэллифнинъ акъикый яшайышнынъ къабул этильмеси ве алем акъкъында озъгюн нокътай-назары пейда олмасындан мейдангъа келе. Модаллик дегенде, адети узъре сэйлейиджининъ я да язгъан адамнынъ акъикый яшайышкъа я да ильмий-фантастик, поэтик уйдурмагъа олгъан мунасебети козьде тутула.
5. Метиннинъ эписи элементлери озъ ара мана ве грамматик джеэттен багълыдырлар, шунынъ ичюн «метин муреккеп ички тешкилятынынъ япыкъ системасы сыфатында козьде тутула. Шу системанынъ эписи элементлери сыкъы къаршылыкълы тесир астындадырлар...» [6, с. 5].
6. Ниает, метиннинъ муим хусусиетлеринден бири онынъ мундеридже ве къурулыш тамамлыгъыдыр. Тамамлыгъынынъ олувы метин мевзусыны айырмагъа ве онъа серлева къоймагъа ёл ача. Муэллиф серлевасынынъ олувы – метиннинъ тышкъы хусусий аляметлеринден биридир. Лякин серлевасыз метинлер де ола биле (мисаль оларакъ лирик шиирлер), амма бойле алларда серлева вазифесинде эсернинъ биринджи сатыры чыкъа.

Бедий метин юкъарыда къайд этильген бутюн аляметлерге саиптир, лякин бунынънен берабер башкъа услюбий чешитлерден (ильмий, ресмий-иш, публицистик ве лакъырды метинлерден) оны бир сыра хусусиетлер айыра. Бедий метиннинъ дифференциаль аляметлери булардыр:

1. Бедий метин энъ эвеля эстетик вазифе беджермеге борджлу, чюнки «...бедий метин ички маиети боюнджа адамларда фикир, дуйгъу мейдангъа кетирмеси ичюн хызмет эте. Бу манада бедий метин окъуйджынынъ дуйгъусы вастасынен объективлеше» [4, с. 8].
2. Бедий метин акъикый я да муэллиф тарафындан тасавур этильген дюньянынъ акс олунмасыдыр. Бу манада эдебий эсер «дюнья манзарасы» пекинмесининъ специфик усулдыр. «Дюнья манзарасы, исе изаат этиджи кучъке саип олгъан ве метинлерде такъдим этильген шу дюнья анълайышынынъ нетиджесидир» [3, с. 6].
3. Бедий метин «эки несеге нисбетлигинен айырыла» (В.П. Белянининъ термини), яни о тек чевре-четтеки дюньянынъ дегиль де, индивидуаль дюньянынъ да акс олунмасыдыр. «Метинде тасвирленгенге